

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНОЙ РОМАН

РАСПЛАТА ЗА (НЕ) ЛЮБОВЬ

Екатерина Янова

Екатерина Янова

Расплата за (не)любовь

<https://litres.ru/74214768>

Аннотация

Это не женщина, это беда. В прошлом ее предательство едва не стоило мне жизни. Не думал, что встречу ее вновь, но судьба умеет удивлять. Смотрю на нее и чувствую, как зарытые в душе демоны пробуждаются. Теперь они требуют расплаты за обман, за выжженную пустыню, которую эта женщина посмела оставила после себя в моей душе. Но почему в ее синих глазах столько печали? Как понять, где правда, а где ложь? И чего эта женщина достойна больше: любви или расплаты?

Нас ждут:

#встреча_через_годы #сильные_чувства #тайны_прошлого
#Бывшие #ХЭ

Содержание

Глава 1. Руслан	4
Глава 2. Руслан	10
Глава 3. Виталина.	14
Глава 4. Виталина.	20
Глава 5. Руслан	26
Глава 6. Виталина	35
Глава 7. Руслан	40
Глава 8. Виталина.	47
Глава 9. Виталина	56
Глава 10. Руслан	66
Глава 11. Руслан	70
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Глава 1. Руслан

*Шагай по улице, шагай.
Дроби меня, дроби.
Мы не расскажем никому,
Что мы с тобой враги.
© Диана Арбенина «Шагай»*

Возвращаемся домой из бара. Веселые, счастливые. Вита бежит вперед.

- Стой!*
- Я кататься хочу! - подбегает к старой карусели на детской площадке в нашем дворе.*
- Вита! Сколько тебе лет?*
- Какая разница?*
- Детство в заднице играет? – кричу ей вслед.*
- Нет! Любовь! Крылья покоя не дают. Ты их чувствуешь? Крылья? – отвечает она, запрокинув голову к небу.*
- Текилу чувствую. Перебрали мы оба сегодня!*
- Да! Полетели! - и она садится на эту убогую карусель.*
- Кружи меня! – кричит, раскинув руки.*
- У тебя и так вертолёт! Смотри, не спикируй на ас-*

фальт! - но кружусь, конечно! Витка смеется, смех у нее такой заразительный. И меня уносит, душу переполняет счастье. Чувствую ли я крылья? Черт, да! С ней я летаю! Все время!

- Сильнее кружи! Хочу разбиться!

- Нет, Синеглазка! Я тебя подхватчу, - торможу эту чертову штуковину, сгребая ее в объятия, она реально на ногах еле стоит, смеется. Подхватываю ее на руки, кружусь.

- Так лучше? Такая карусель тебе больше нравится?

- Да! - вдруг смех стихает. Вита останавливает меня, обхватывает холодными ладошками щеки. - Я когда разобьюсь, ты не жалеяй меня, хорошо?

- Дурочка! Что ты мелешь? – глаза у нее такие глубокие, и грустные от чего-то.

- Не спорь. Я знаю. Просто послушай. Не жалеяй. Главное, мне сейчас так хорошо, что остальное не страшно!

- Мы вместе долго будем. Всегда! – шепчу ей в губы.

- Да! Всегда! До конца. Ты - мои крылья!

- А ты - мои. Точно. Дурь ты моя синеглазая. Наркоши же летают от дозы, а я от тебя торчу! Пойдем домой, на кровати летать удобнее.

Открываю резко глаза, меня трогает за плечо стюардесса. Просит пристегнуться, потому что скоро посадка. Щелкаю ремнем, попутно пытаюсь разогнать остатки проклятого сна.

Родной город приветствует дождем. Не рад меня видеть!

Что ж. Это взаимно! Если бы не дела, ноги бы моей здесь не было! Даже булыжники мостовой вызывают неприятные воспоминания. Странно. Столько лет прошло, должно забыться, отпустить, а не отпускает...

Черный внедорожник едет по набережной. До гостиницы несколько дорог, но нанятый водитель почему-то выбирает именно эту. Через залитое дождем окно наблюдаю унылую картину. Серые воды, мокрая безликая пристань. Все как у меня в душе. Помню это место другим. Солнечным, ярким. Как ее улыбка. Нет. Не вспоминать! Эта улыбка - отравы! Все выжгла, превратила душу в такую же холодную безлюдную набережную, залитую не дождем - слезами.

Чёрт! Знал ведь, что так будет, что здесь начнет оживать старая рана. Сон в самолете только лишний раз подтвердил это.

Нет. Нет и нет! Я справлюсь! Семь лет справлялся! Кровью выхаркал эти воспоминания! Душу продал дьяволу! Выдержу! Запрусь в номере, упыюсь, как делал не раз, утром выблюю эти воспоминания и избавлюсь от них, как от ненужного хлама.

Так и поступаю. Только с похмельем не становится легче. К саднящим чувствам добавляется головная боль. Вечером встреча. Нужно быть в форме! С трудом заставляю себя влезть в строгий костюм, привожу в порядок, и вот к назначенному часу я на месте.

Переговоры идут неспешно, но в нужном русле. Перспек-

тивы ясны, обещают хорошую прибыль. Передовые технологии сейчас в тренде, особенно те, которые дают преимущество перед конкурентами за разумные деньги. К тому же Сергея я знаю достаточно хорошо по другому совместному проекту. Это он уговорил меня. Иначе я бы сюда не сунулся! Новое имя не гарантирует, что мне не вспомнят старые заслуги.

Все вопросы решены, можно уходить. В ресторане веселье только начинается. Живая музыка, первые пару песен спела молодая девчонка. Неплохо, но без души. Собираюсь уходить, прощаюсь с Сергеем и его друзьями. Дохожу почти до выхода, когда раздаются аккорды следующей мелодии. Они рассекают воздух, как удары хлыста. Вонзаются в душу раскаленными кинжалами. Медленно разворачиваюсь к сцене, и чувство проклятого дежавю топит волной безумия.

Певица стоит в тени, точеные изгибы скрыты во тьме, а у меня сердце стучит, как взбесившийся барабан.

Она. Она. Она. Я умру. Сейчас.

Не она! Зажигается свет, голос грудной, слегка хриплый с перекатами подхватывает мелодию. Не то. Все не то. Делаю вдох, второй. Не она. Можно идти. Но не могу. Не отпускает. Держит что-то. Дежавю. Слишком похоже. Как будто копия, те же движения, та же прическа, томный взгляд. Зачем? Почему? Кто знал?

Стою, решаю сложную задачу. Не могу понять, это судьба усмехается или у меня все же крыша потекла в этом прокля-

том городе.

Сергея догоняет снова.

- Не ушел еще?

- Нет. Задержался.

- Хорошо поет! - указывает он на певицу на сцене.

- Я знал и лучшее исполнение этой песни!

- Не мне судить. Хотел тебя познакомить еще кое с кем.

Владелец этого заведения. Очень просил. Вернешься на полчаса?

- Если только очень надо.

- Надо. Пойдем.

Возвращаюсь за столик. Так и не успев сесть, замираю. Картинка дрожит. Все же я псих. Санитары, где вы? Сквозь гул в ушах слышу, как Сергей представляет мне напыщенно-го ублюдка, но на него мне плевать. Сердце стопорится снова, пропускает удар, второй, а потом начинает бешеным ритмом отбивать чечетку, разгоняя густую кровь.

Она. Она. Она. Я умру. Сейчас.

Умираю.

Тону в этом порочном омуте синих глаз. Падаю в пропасть и разбиваюсь.

Секунды длятся как жизнь. Горячая волна бежит по телу, толкается в ребра, разрывает грудь. Она! Убью, тварь. И сам сдохну рядом у ее ног. Замечаю руку ублюдка на ее талии. Самые болезненные воспоминания семилетней давности вы-

носят меня на поверхность. Гнев отрезвляет, заставляет собраться, полоснуть по девушке, замершей передо мной, холодным взглядом. На каком-то безумном автопилоте отвечаю на приветствие напыщенного урода дежурными фразами, с наслаждением наблюдая, как бледнеет и вытягивается лицо у той, которая разрушила мою душу и жизнь. Удивлена? Не ожидала? А уж как я удивлен.

Изменилась! Ее юная красота приобрела зрелость. Яркие черты стали еще более выразительными. Только к чему этот дурацкий шарф на стройной шее? Так и хочется его сорвать, а лучше затянуть потуже! Чтобы дышать не могла! Чтобы ее лживые глаза молили о пощаде! Чтобы хрипела, просила прощения, раскаивалась! Как я когда-то в душной клетке...

Секунды осыпаются, как осколки битого стекла. Напряжение потрескивает в воздухе. Дежурные фразы не спасают. Похоже, хозяин заведения замечает, что его спутница близка к обмороку.

- Виталина, что-то не так? - я зло усмехаюсь про себя. Конечно, не так! Чувствует, тварь, скорую расплату! Пытаюсь раскрутить в себе ненависть, но ее потерянный взгляд почему-то воскрешает перед глазами нашу первую встречу.

Глава 2. Руслан

*Ты оседаешь внутри, как никотин,
А я стираю тебя из памяти.
Не замечая других, будто я один,
Прошу, покинь мои сны, я к ним привык...
© Группа «Руки вверх» «Расскажи мне...»*

Семь лет назад.

Середина недели. Люблю среду. Народу меньше, чем обычно. И хоть это напрямую отражается на размере чаевых, зато есть возможность работать в спокойном ритме. В выходные все разительно меняется, прибывает шумная толпа, музыка гремит громче, а бармену, чтобы все успеть, хочется отрастить себе еще пару рук.

До блеска натираю очередной бокал, ставлю его на законное место, когда замечаю вошедшую девушку. Стройная брюнетка, яркая. Глаз не оторвать, хотя меня сложно удивить, вокруг всегда вьется множество самых разных красоток. Но эту девушку я точно вижу впервые. Нетвердым шагом она проходит к барной стойке.

- Виски, - требует она. А взгляд потерянный, стеклянный. Понятно. Случилось что-то. Хотя, что у таких может случиться? Ноготь сломала или собачка заболела? А может, па-

па купил машинку не того цвета? Наливаю, ставлю перед брюнеткой. Только хочу предложить закуску, как она хватает стакан и опрокидывает его в себя, как заправский алкаш. Правда, тут же начинает кашлять, задыхаться. Быстро подаю ей стакан воды. Она хватает и жадно пьет.

- Полегчало?

- Ага!

- Что ж ты, красавица, вискарь хлебаешь, как воду? Не пила раньше, что ли?

- Нет.

- Зачем тогда?

- Надо же когда-то начинать? Сигарета есть?

- Есть. Но тебе не дам. Тоже, небось, первый раз. Начнешь кашлять сейчас снова, а мне тебя откачивать.

- Первый! Я сегодня все решила попробовать.

- Что еще? Может и секс у тебя первый сегодня? Тоже попробовать решишь?

- А почему бы и нет? - смотрит с вызовом.

- Издеваешься? - смотрю на нее, как на идиотку, а взгляд невольно цепляется за выпуклые округлости, пухлые губы, шелковые волосы. Их бы накрутить на кулак и...

- Нет! Не издеваюсь! Прямо предлагаю! Готов?

- Я сейчас на смене, крошка! А так бы с удовольствием! Но тут много других добрых парней! Познакомить? - она как-то боязливо оглядывается.

- Нет. Спасибо! Забудь. Я пошутила.

- Ага. Но ты поаккуратнее с шуточками.
- Да. Сигарету дай! Пойду, на улице покурю.
- Держи! Кури здесь! Ты откуда взялась такая странная.

Не видел тебя раньше.

- Оттуда.
- Я Руслан. Как зовут тебя?
- Никак.

- Хм. Хорошо, тогда буду называть тебя Синеглазка, – глаза у нее и правда, необыкновенно синие, может, линзы? – Помочь прикурить? - спрашиваю, а самого смех разбирает, потому что девчонка сигарету в рот засунула настолько неумело, просто ржач. Но пытается напустить на себя уверенности побольше. Сколько же ей лет? Восемнадцать хоть есть?

- Да, пожалуйста! - достаю зажигалку, подношу, девушка прикуривает. Даже не закашливается, что радует.

- Куришь ты определенно лучше, чем пьешь!
- Спасибо! А тебе, я вижу, поговорить не с кем?
- Да. Сегодня народу мало.
- А мы разве переходили на «ты»?
- А чего зря выкать? Я тебя, считай, от смерти спас, когда ты поперхнулась, - девушка как-то резко грустнеет.
- Зря спас. Задохнуться было бы здорово.
- Странная ты!
- Ага!
- Чего стряслось? Жизнь дерьмо?

- Оно самое! Налей еще!

- Уверена?

- Абсолютно!

Второй стакан идет лучше, а после третьего девчонку вдруг резко уносит. Меня отвлек очередной клиент, а когда повернулся, увидел красавицу спящей на барной стойке.

Разбудить девицу не удалось. Можно, конечно, вызвать охрану, чтобы вывели красавицу на улицу, но сегодня в смене такие ублюдки, что могут девочке устроить первый секс за углом без ее разрешения. До окончания смены еще далеко. Что делать?

Решение приходит само собой. Набираю номер друга, прошу подменить меня сегодня. Живет он рядом, поэтому задержаться не должен.

И вот уже через сорок минут я несу девчонку в свою машину.

Наши дни.

Эх, знал бы я тогда, какую огромную проблему тащу в свой дом, бежал бы, не оглядываясь. Но заранее знать нам ничего не дано. Та девчонка, такая невинная, с чистыми, как небо, глазами, осталась где-то далеко. Да, скорее всего, и не было ее никогда. Она оказалась лишь моим придуманным образом, который потом ломался и умирал во мне долго и мучительно.

Глава 3. Виталина.

Я знаю, что мы с тобой связаны одной судьбой -

Только пока ты не знаешь об этом.

Может быть через жизнь станет понятен смысл -

Только пока ты не узнаешь об этом.

© *Баста&Алсу «Мы с тобой»*

Наши дни.

Обычный день, серый, дождливый. Люблю такую погоду. Мы с ней совпадаем. Это моя жизнь. Серая и неинтересная. Но на дне души что-то скребет. Ах да! Сегодня у Марики выступление в ресторане. Первое в этом месяце. Обещала ее поддержать. Придется идти. Каждый раз, когда вижу подружку на сцене, слышу музыку, душа плачет. Поводов слишком много. И все же год назад, когда мы подбирали для Марики новый сценический образ и репертуар, я не удержалась. Отдала ей самое дорогое, мои воспоминания, мой стиль, мою песню.

Много раз потом она исполняла ее со сцены. Делала то, что мне больше не под силу.

От этих мыслей невольно рука тянется к шраму на шее, нащупывает неровные следы. Знаю, что арабская надпись скрывает уродливый след, но в душе рана не затягивается. Это бессмысленно. Когда нервничаю, всегда хватаюсь за него, от сильных эмоций бывает начинает снова давить уду-

шь. Поэтому повязываю шарф. Мне так спокойнее. Мягкая ткань скрывает не просто шрам вместе с татуировкой - закрывает что-то внутри меня. Прячет то уязвимое, что нельзя обнажать.

Алик обещает заехать через пятнадцать минут. Начинаю собираться быстрее. Не люблю опаздывать. Он звонит в дверь точно в обозначенное время, всегда до тошноты пунктуален. Зачем поднялся на мой этаж, не понятно. Мог бы просто позвонить, я бы спустилась. Когда открываю дверь, все становится ясно. Мужчина стоит с огромным букетом красных роз. А у меня, глядя на эти темно-алые лепестки, тошнота подступает к горлу. Ненавижу их. Именно такие цветы были... нет. Не вспоминать. Никому не показывать. Справляюсь с собой, с трудом протолкнув ком в горле. Алик улыбается во все тридцать два. Говорит какие-то банальности про розы и мою яркую красоту, а мне хочется заорать и спрятаться в комнате. Но я давя в себе эти желания. Ни к чему все. Никому не понять. Это только мое. Поэтому пускаю Алика на порог, сама сбегая под предлогом поиска вазы. Захожу в ванную и тяжело дышу. В голове невольно всплывают болезненные воспоминания. Боль, кровь, страх. Вот, что ассоциируется у меня с этими проклятыми розами.

- Вита, - зовет Алик из коридора. Черт! Вот что ему нужно? Сколько раз говорить, что вместе мы не будем. Не понимает, не отстает. А ругаться у меня просто сил нет. Да и Марика достала просьбами не отталкивать бедного Альберта,

подумать о себе, о том, что хватит быть одной, нужно выбираться в люди и приучать себя к нормальной жизни. Вот я и приучаю. Только изначально понятно было, что бесполезно это. Нормальной мне уже не стать. Но сегодня я снова поддалась на уговоры подруги, обещала поддержать ее выступление.

Еще раз тяжело вздохнув, вышла из своего укрытия.

- Вазы у меня такой большой нет. Положи цветы в ванную пока. Я потом что-нибудь придумаю.

- Хорошо. В следующий раз подарю сразу с вазой.

Разобравшись с цветами, спешно выходим из квартиры. Я вообще не люблю пускать посторонних домой, особенно мужчин. Это только моя территория, маленький, безопасный уголок.

По дороге к ресторану Алик что-то рассказывает, пытается вести интересную беседу. Я лишь поддакиваю иногда, чтобы не выглядеть совсем невежливой.

В ресторане нас встречает улыбчивая Марика с ее новым молодым человеком. Это радует. Благодаря компании за столом я могу снова спокойно отмалчиваться, пока подруга искрит юмором и обаянием за нас двоих. Напряжение возникает, когда она уходит готовиться к номеру. Но и тут общаются по большей части мужчины, я лишь потягиваю шампанское, прячась за бокалом. Когда раздаются звуки знакомой мелодии, по позвоночнику знакомо прокатываются мурашки. Неконтролируемая реакция. Всегда чувствую слишком

остро эти ноты. Так больно, так сладко. Сердце опалает знакомым жаром и тоской. Мы давно сроднились с этими чувствами. Вместе с нарастающей музыкой поднимается и волна в душе, обрушивается на сознание девятым валом. Перед глазами невольно встает образ, высеченный на сердце. Мой любимый мальчик, мой родной. Прости меня. Прости.

Прикрываю тяжелые веки, делаю несколько вздохов. Музыка постепенно стихает, а у меня все еще звенит внутри, вибрирует, от воспоминаний, от ощущений. Никогда уже не пережить мне такого восторга и падения, как тогда. Но и не забыть. Быть может, когда-нибудь мы встретимся там... на небе.

Скорей бы. Я так скучаю...

Из водоворота эмоций меня вырывает голос Алика.

- Вита, пойдем, хочу тебя кое с кем познакомить, - берет меня под локоть, хочу сбросить его руку, потому что еще не вернула на место броню, не закрыла от всех пораненную душу. Но он не замечает моего потерянного лица. Тянет следом. А я еще не обрела способность говорить. Поэтому на автопилоте бреду следом.

А потом мир замирает и с невероятной скоростью начинает вращаться. Я не совсем понимаю, это галлюцинация или реальность. Голоса где-то далеко, передо мной он. Мой мальчик. Удивлен, растерян, потрясен. Все это сознание отмечает само по себе, потому что я отдельно от него. Лечу в пропасть. Разбиваюсь.

Этого не может быть.

"Руслан Стародворцев скончался в тюремном госпитале от воспаления легких" - вспоминаю слова проклятого коменданта, которые закончили и мою жизнь.

- Виталина, что-то не так? - кажется, это голос Алика. Ответить не могу, дышать нечем. На шее снова сжимаются грубые ненавистные тиски. Мир темнеет, качается. Чувствую под собой стул, кто-то подносит к губам стакан воды. Пить не получается. Начинаю кашлять. Это немного приводит в себя. Но только до того момента, пока я не натыкаюсь на горящий взгляд.

Живой! Он живой!

Ненавидишь? Понимаю. Я и сама себя ненавижу. Первый судорожный вздох дается слишком тяжело. Второй немного легче.

Отворачиваюсь. Не смотрю на НЕГО. Не могу. Опустив пониже голову, пробормотав что-то невнятное, на ватных ногах иду в уборную. Умываюсь холодной водой, черт с ним с макияжем. Как это возможно? Или все же у меня галлюцинации? Как понять?

Воспаленный мозг подкинул информацию, что представили его другим именем. Виталий Русланов. Странно. Как-то до боли похоже, и не похоже. Что делать теперь? Вернуться или сбежать. Он явно не рад меня видеть. Та обжигающая ненависть в холодных серых глазах, которая в секунду сбила с ног, еще раз подтверждает, что мне не показалось. Ес-

ли предположить, что зрение не подвело, и в зале действительно Руслан, живой и здоровый, именно так он и должен смотреть. Я бы себя тоже возненавидела. И что теперь будет? Страшно подумать. Он не оставит в покое. Я не смогу его оттолкнуть. Будем жечь друг друга, пока окончательно не сгорим в костре, который разгорелся семь лет назад...

Глава 4. Виталина.

*Все пройдет, а ты останешься,
И для этого есть миллион причин.
Мне одной теперь не справиться.
Ты мне необходим.
Соединились наши орбиты.
Мы видим мир, которого нет.
Что к тебе тянет, будто магнитом –
Ни для кого уже не секрет.
© Полина Гагарина «Обезоружена»*

Семь лет назад.

В тот вечер из дома брата я не просто вышла, сбежала. Нет, далеко скрыться уже не пыталась, знала, что бесполезно. Да и держала тогда еще надежда, что все обойдется, что я найду выход из паршивой действительности. В бар пошла, чтобы отвлечься. Забыться ненадолго, не вспоминать.

Сначала просто бродила по улицам, пока не заметила яркие огни. За время моей бесцельной прогулки легче не стало, наоборот. Захотелось сделать что-то безрассудное, мне не свойственное. Вот так передо мной возник улыбающийся бармен и первый стакан крепкого алкоголя, а потом сигарета и еще алкоголь. Я не соврала. Что-то крепче вина пила в

тот вечер в первый раз. И про секс не шутила. Очень хотелось для моего палача испортить идеальную куклу, которую он мечтал иметь. Тогда я подумала, что это может оттолкнуть от меня того, кого я так боялась. Конечно, мысль сама по себе абсурдная, не здоровая. Да и вся затея выйти из дома неудачная. Алкоголь на расшатанные нервы и голодный желудок подействовал быстро и убийственно. Я уплыла из реальности быстрее, чем могла предположить. Хотя, я ведь именно этого и добивалась.

Утро обрушилось на меня головной болью и осознанием, что я в чужой постели, а рядом спит мужчина. Когда смогла проморгаться и осмотреться, поняла кто он. Вчерашний бармен. Красивый. Это я заметила еще вечером. Но сейчас могу лучше рассмотреть его. Широкий подбородок, покрытый легкой щетиной, короткая стрижка, губы слегка приоткрыты, ровное дыхание поднимает мужскую грудь. Все это хорошо, только, что я здесь делаю? Осматриваю себя, понимаю, что платье мое хоть и измято, но на месте. Медленно встаю, борясь с головокружением. Во рту жутко противно. Когда делаю первый шаг, меня сбивает приступ жесткой тошноты. Даже не знаю, как поняла, где здесь туалет, но я успела до него добраться, прежде чем извергла содержимое желудка. Не успела еще прийти в себя, услышала за спиной шаги.

- Ты там жива, красавица? - захотелось усмехнуться. Ага. Красавица рядом с унитазом и вся в блевотине. Но сил на

это нет. Желудок снова протестует. Шаги удаляются, а потом приближаются вновь.

- Вставай, Синеглазка. Надо попить. Давай. Хватит над- рывать внутренности, - он помогает мне подняться. Сует в руки какую-то мутную жидкость. - Давай. По глотку. Много не пей, - слушаюсь, хотя хочется от стыда провалиться. Как его хоть зовут? Кажется, Руслан. Ему подходит.

Парень укладывает меня на кровать, накрывает одеялом, потому что меня начинает трясти, хочу поблагодарить его, но не могу. Он приносит пластиковый тазик, ставит рядом. Понятно, для чего это нужно. Я за свой желудок все еще не ручаюсь.

- Ты поспи еще немного. Полегчает.

- Стоп. А сколько времени? - вдруг подскакиваю я. - Мне же на занятия!

Парень смеется, обнажая красивые ровные зубы.

- Нет. Учеба сегодня точно мимо тебя. Об этом надо было думать вчера. Здорово тебя унесло с трех стаканов.

- Чёрт. Это плохо, препод меня убьет!

- Ты знаешь, думаю, раньше тебя убьет алкоголь. Нельзя тебе пить.

- Да. Это точно. Я первый раз, честно. Только... как я ока- залась здесь?

- Очень просто. Ты заснула прямо за барной стойкой, я тебя пожалел, погрузил в машину и привез к себе домой.

- Это твоя квартира?

- Ага.
- Спасибо. Я...
- Не надо. Не говори ничего. Просто делай правильные выводы. Ты же понимаешь, что могла нарваться на большие проблемы.
- Да. Понимаю. Спасибо.

У Руслана в итоге я пробыла до самого вечера. Как-то легко с ним было, хорошо. Так, как я давно отвыкла. А еще он смотрел по-особенному, с восхищением, но не пошло. Хотя временами между нами потрескивало. Взгляды скрещивались, и тогда легкость пропадала. Что-то другое вспыхивало, мне до тех пор неведомое. Руслан не наглел. Хотя мог отпустить прошлую шутку, но у него это так легко выходило, что всерьез не воспринималось.

Уже к обеду я отошла, после съеденного горячего супа мне заметно полегчало. В консерваторию в тот день я пролетела, а Руслану на работу нужно было идти только вечером. Я решила подарить себе этот день. Сделать бесценный подарок. Я давно столько не смеялась. Мы смотрели фильмы, ели прямо около телевизора, делились впечатлениями. Как оказалось, Руслан сегодня тоже прогулял пары, но для него, я так поняла, это обычное дело.

Вечер близился неумолимо быстро. Мне нужно было возвращаться. Снова в ненавистный дом. Снова в заточенье. Полетала немного птичка, пора в клетку.

Но воля манила теперь в разы сильнее. Меня тянуло к Руслану, к его улыбке, шуточкам и задору. И я сбегала к нему каждый день. Пока могла. В тот самый бар я заходила теперь часто после консерватории, если знала, что в это время работает Руслан.

Все закрутилось тогда так остро, так быстро. Как на карусели.

Первый поцелуй случился в том самом баре уже через несколько дней после нашего знакомства. Приходя туда, я всегда садилась за один и тот же столик. Прямо напротив барной стойки. Мы встречались взглядами с моим барменом. Здоровались так. Но внешне делали вид, что не знакомы.

А потом повелось, что вместо заказанного мною чая, официант приносил коктейль от бармена, где каждый раз были какие-то особенные нотки. Иногда цитруса, иногда корицы, или мяты. Но всегда этот вкус казался мне неповторимым, потому что его сопровождал взгляд моего Руса. Однажды вместе с коктейлем официант передал мне записку. Я знала, от кого.

"Иди за мной" - было написано там. И снова мужской гипнотический взгляд из-за барной стойки. И я иду, конечно. Рус скрывается за дверью подсобного помещения, я за ним. Влетела тогда в полумрак и сразу попала в сильные объятия. Меня как будто током прошило, заискрило вокруг, дыхание в кучу, сердце навывлет. Губы его по моим губам, запах, терп-

кий вкус с нотками цитруса. Я уже тогда поняла, что пропала. Мне нельзя ведь. Я чужая. Но остановиться сил не было. Это выше меня, больше.

- Хочу тебя, - шепчет Рус. - Ты такая сладкая. Приходи ночью.

- Не могу.

- Почему. Папа заругает?

- Нет у меня папы. Просто нельзя. Так что отстань! - отталкиваю его изо всех сил и выскакиваю из этой коморки. Бегу на улицу. Господи. Он ведь меня, скорее всего, за распутную девку принял, которая шляется по барам, пьет, и спит с кем попало. Нет. Не приду больше. Забыть его надо. Мне нельзя.

Пришла. Конечно, пришла. Два дня еле выдержала. Сердце ныло так, хоть на стену лезь. Игорь как раз дома был. А потом опять уехал. На три недели. И я сорвалась. Решила прожить эти дни, как последние. Жизнь моя и так перепачкана слишком, пусть хоть какое-то светлое пятно появится. Будет потом, что вспоминать, когда клетка захлопнется навсегда. Будет чем дышать в липкой неволе.

Если бы тогда я представляла, куда нас всех заведет моя слабость, сидела бы тихо. Но наперед знать нам ничего не дано. Это моя вина, и с ней я живу уже семь лет.

Глава 5. Руслан

*И я, падаю на дно - и взлететь мне не дано.
Мимо нот тоска поёт, и я пою с ней заодно.
Мне бы без вести пропасть, но мы обречены
Встретиться через жизнь с тобой...*
© Баста&Алсу «Мы с тобой»

Как добрался до отеля, плохо помню. Из ресторана сбежал, не дожидаясь, пока за столик вернется Виталина. Ха-халь ее запереживал, извинился и бросился за ней следом. А меня разобрало на атомы желчи еще больше. Как представил их вместе, захотелось заорать во все горло. Сука! Откуда она взялась? Мое персональное проклятье. По-другому эту встречу не объяснить. Одним взглядом зажгла все, что я старательно тушил все эти годы. И как бы я ни заставлял себя не думать, уехать подальше и не вспоминать, но в ту секунду, когда снова заглянул в ее дьявольские синие глаза, уже знал, что не успокоюсь, пока не увижу ее снова. И теперь понимаю это. Только торможу себя, как могу, чтобы не задушить гадину при встрече, не сорваться, не забыться с ней. Зверь внутри рычит, требует добычу. Не успокоится он уже, не замолчит, но чтобы дать ему хотя бы кусок, сажусь за ноутбук и погружаюсь в дебри сетевого пространства, чтобы найти то, что поможет без труда выследить мое наваждение.

Не искал ее раньше. В узде держал себя, теперь все предохранители сорваны. Первые, самые легкие способы, результатов не дают. В социальных сетях нет ее страницы. Странно. Современные бабы любят каждый пук выкладывать в инсту. Придется прошерстить базы данных официальных структур. Ничего криминального не нашел, но адрес есть. Двушка в спальном районе. Как-то хиленько. Неужели ее очередной любовник не мог разориться на что-то более приличное? Или это на черный день уголок? Может и не живет она там? Скорее всего, обитает в шикарных хоромаш своего бойфренда, который вчера смотрел на нее, как пес на кусок мяса.

Чёрт! Вот вспомнил опять. Зачем? Представил ее нежное тело под этим мудаком. Как он сжимает ее грудь, целует шею. Она всегда острее всего реагировала на эту ласку. Сжал кулак до боли, вспоминая нашу первую ночь.

Вита пришла тогда сама. Хотя до этого послала от души. Она все время так делала. Играла. Теперь я это понимаю. Манила, отталкивала, а потом сама давала больше, чем просил, и снова отталкивала. Быть может, этим и взяла? Хотя запал я на нее сразу. Красивая, нежная, страстная.

После того, как оттолкнула в баре, дав поцеловать, через два дня сама появилась на пороге моей квартиры. Вздвигаясь, будто на каком-то подрыве, бросилась в мои объятия с порога, тараторила, что сама хочет, что решилась, потом будь что будет. Я ничего не понял. Да и некогда было соображать, ведь в мои руки попала та, о которой я невольно меч-

тал последние дни. Сорвало нас тогда мгновенно. Ошпарило, опалило. Как дикие звери мы набросились друг на друга. Губы, руки, глаза. Ни с кем меня так не уносило, ни от кого голову не терял так, как с ней. Хотелось прикоснуться с бесконечной нежностью и одновременно впиться сильнее, чтобы под кожу ей пустить такой же яд, чтобы в душу проникнуть, к себе привязать, войти в нее, и там остаться. То, что она девочкой еще оказалась, до меня только утром дошло, когда кровь на постели увидел. Хотя сейчас я уверен, что она меня просто развела. Девочка, блядь! Тварь продажная! Только такой идиот, как я, и мог поверить в откровенную чушь. Спасибо, потом открыли глаза "добрые" люди, когда ребра ломали, и вбивали в меня ботинками простые истины, что нельзя чужих телок трахать. Чужих. Тогда это больнее всего оказалось. Осознание, что моя родная, невинная, нежная девочка не моя вовсе. А мерзкий возрастной тип напротив имеет, оказывается, на нее все права. Что с ним она уже давно. Доказательства он мне в лицо сунул неопровержимые. До сих пор ослепнуть хочется от тех фото. Ненавижу! Но хочу ее по-прежнему безумно. Просто трахнуть я же ее могу? И купить теперь ее тело тоже могу! Я больше не нищий студент, жалкий бармен, у которого за душой ни гроша! Интересно, какая цена у нее теперь? Хотя для меня должна быть скидка. Разве нет? Хотя, похеренная жизнь какого-то студента едва ли стоит дорого в этом поганом, продажном мире.

Беру в прокат машину, еду по найденному адресу. Пока раздумываю, как попасть внутрь подъезда, все больше убеждаюсь в мысли, что Виталины здесь быть просто не может. Не по статусу райончик. Обычная девятиэтажка. Квартира на четвертом этаже. Что ей здесь делать? Прорываюсь в подъезд вместе с какой-то тетенькой, поднимаюсь на нужный этаж. Нажав звонок, готовлю себя к чему угодно. Шансов, что откроет Виталина - один на миллион.

Щелкает замок, дверь медленно открывается. Сердце опускается вниз, резко подскакивает к горлу. Пазл рушится, не складывается, с ней он никогда не получался. На пороге все-таки она, моя Синеглазка. Стоит с огромными глазами, полными чего...? Страх? Да. Она должна бояться. Но почему мне мерещится совсем другое. То, чего там быть просто не может!

Вита как-то неловко замирает. Смотрит долго, тянется рукой к шее, беспомощно ловит ртом воздух. А у меня перед глазами звезды. Хочу ее. Хочу эти влажные губы. Шагаю вперед, вталкиваю ее внутрь квартиры. Прижимаю к стене. Чувствую, у нее сердце стучит так, что мне в ребра отдается. У меня и у самого огонь по венам шпарит. Дышу через раз, и все равно ее запах в нос забивается, пробирает до самого нутра. Потому что помню его. Скучал. Как же я скучал. За волосами этими шелковыми, за руками нежными, за глазами синими. Лживыми глазами. Надо помнить, чтобы снова не угодить в эту ловушку. Тяну руку, запускаю в жидкий шелк,

сжимаю кулак. Больно ей? Не знаю. Смотрит она так пронзительно, душу из меня тянет, ведьма.

- Привет. Скучала?

- Привет! Ты пришел?

- Пришел. Не ждала?

- Ждала!

- Зачем?

- Я тебя всегда ждала!

- Врешь! - провоцирует меня, а я ведусь.

- Пусть будет - вру! Если тебе так легче.

- Да. Легче, когда мне не вешают на уши лапшу. Хотя знаешь, я уже не тот бестолковый пацан. Сейчас уже больше вижу, глубже.

- Не пацан. И как? Что рассмотрел?

- Продажную суку. Но по-прежнему красивую. Цену спросить хочу. Почему нынче берешь?

- Купить решил?

- Да. Продашь, по старой памяти. Или мне нужно сначала в очереди постоять?

- Так дам. Тебе как всегда без очереди. По старой памяти.

- Польщен. А твой очередной хахаль в курсе, что ты раздаешь то, что он считает своим?

- Боишься?

- Кого? Того индюка из ресторана? Обижаешь! Или он тоже между? Просто игрушка очередная, пока основной папик в отъезде?

- Может и так. Тебе какая разница? Ты же за другим пришел? Бери!

- Сначала цену скажи? Куда перечислить и сколько?

- Скажу! Если тебе так легче, скажу!

- Мне будет легче, если ты сейчас снимешь шмотки, встанешь на колени и начнешь сосать. Когда-то у тебя неплохо получалось.

- Да. Ты научил.

- Я? Я ли?

- Ты!

- По фигу! Делай! - не двигается. Смотрит все так же пронзительно, дышит тяжело. Руку поднимает, по груди ведет, а у меня дрожь ползет от ее касания. Как будто кожу снимает, а не рубашку сейчас с меня стягивает. Понимаю, что не могу больше ее взгляд выдержать. Поэтому хватаю ее за плечи, разворачиваю спиной к себе. Развожу полы халата в стороны, под ним она голая. Грудь вздумается часто, соски торчат. От этой картины член готов порвать штаны. Но я хочу ее потрогать. Сжимаю грубо полушария, одну руку вниз запускаю, в развилку между ног, там горячо и мокро. Она стонет. Дрожит в моих руках.

- Нравится? Ты такая же. Только мужика на пороге увидела, уже потекла.

- Для тебя я всегда такая. Ты прав.

- Сука!

- Да! Тяжело быть сукой! Но для тебя я постараюсь!

- Заткнись!

- Тогда и ты заткнись. Бери, зачем пришел, и уходи.

- Вижу, сейчас у нас полное взаимопонимание. Вот как суку я тебя и трахну!

Тащу ее к дивану. Здесь полумрак. Свет исходит только от негромко работающего телевизора. Валю ее лицом вниз, задираю халат. Бью от души по ягодице, оставляя алый след, она вскрикивает, но не вырывается, заставляю ее встать на колени, прогнуться в пояснице, освобождаю член, но прежде чем войти в нее, достаю из кармана презерватив.

- Постой так, мне надо надеть защиту. Не хочу потом по венеричкам бегать! - она опалает взглядом, но молчит. А я, закончив раскатывать резинку по вздыбленной плоти, возвращаюсь к ней, снова заставляю ее занять прежнюю позу. И, наконец, грубо врываюсь в это податливое тело. Чёрт. Почему она такая узкая? Почему, если через нее прошел не один мужик? От этих мыслей ускоряю темп, действую еще яростнее, быстрее, Вита извивается в моих руках, стонет громко. Она всегда такая была, не сдержанная. Отдавалась с душой, любила секс. Когда-то я думал, что только со мной, оказывается, просто секс. Кончаю я быстро. Голодный слишком. Специально хочу оставить ее ни с чем. Но эта похотливая кошка приходит к финишу раньше меня. Судороги удовольствия сотрясают ее тело, она сжимает меня изнутри так, что я догоняю ее в тот же миг. Рассыпаюсь в удовольствии, и рассыпаюсь сам. Теперь бы куски собрать, чтобы расплатиться

и уйти. Желательно навсегда. Но повернутый на ней зверь, который внутри меня уже почуял свою самку, будет выть и требовать свое снова и снова. Немного мы его еще потешим. Совсем чуть-чуть. Потом опять ляжем в нору, будем зализывать раны. А пока:

- Ты постаралась, - лежу без сил, придавив ее голое тело к дивану. Она тоже лежит неподвижно, только дышит тяжело. Поднимаюсь. Вита сразу садится, тянет на себя плед, пытаюсь прикрыть наготу.

- Рада, что тебе понравилось. Теперь уходи!

- Зачем. Я еще не наелся!

- Доешь где-нибудь в другом месте.

- Я хочу тебя!

- Я больше не хочу!

- А чего так? Или, думаешь, в цене не сойдемся?

- Не сойдемся! Уверена!

- Я теперь платить могу не только ромашками.

- Это я поняла. Но меня ромашки бы больше устроили.

Хватит намекать на то, что ты считаешь меня шлюхой. Я не собираюсь тебя разубеждать. Уйди просто.

- Нет. Просто я не уйду. Ты мне должна кое-что.

- И что же?

- Слишком много. Но я хочу всего лишь... дай вспомнить... сколько ты тогда играла в любовь? Две недели? Ну что ж. Мне хватит. Будешь развлекать меня четырнадцать дней. Я как раз закончу дела в этом гиблом городе и уеду, чтобы

теперь уже никогда не вернуться. Как считаешь? Хватит тебе, чтобы искупить грехи?

- Нет. Жизни не хватит.

- Как здорово, что ты это понимаешь.

- Понимаю. Поэтому говорю «нет»! Уходи!

Глава 6. Виталина

*Вернись, мой сумасшедший мальчик.
 И, пусть, мы стали чуть постарше,
 Я знаю, что ты будешь ждать
 И помнить обо мне.

 Оставь мою ошибку в прошлом,
 Представь, что стала я хорошей,
 А ты мой самый-самый лучший
 День в календаре.*

© Светлана Лобода «Мой»

Руслан ушел. Но я знала, что вернется. Вернется и возьмет снова. А я не смогу отказать. Я для него все отдать готова, пусть каждое его касание теперь, как ожог, как самое сладкое, но жутко болючее воспоминание.

Он ушел. А я горю. Долго еще гореть буду. Я так рада его видеть живым, что все остальное меркнет. Хотя и понимаю, кончилась моя никчемная спокойная жизнь. Он все разрушит, разворошит, разграбит. Мстить будет. Глупый. Не знает, что судьба за него давно отомстила. Но я приму его гнев, его злость. Руслан прав, я ему слишком много задолжала. Не так, как он думает, но все же. Не уберегла тогда, все неправильно сделала. Нельзя было его любить, нельзя поддаваться слабости. Знала, что для меня это погибель, но себя не жалко было. О нем не подумала тогда. А зря.

Он ушел. Хлопнул дверью так, что стены задрожали. А я все так же сижу голая на диване, не могу пошевелиться. Все тело болит, внутри и снаружи. Грубым был мой мальчик сегодня, но мне понравилось. Он всегда таким был, страстным, без тормозов, даже когда топил в нежности, потом срывался. Что-то звериное просыпалось в нем, и мне это очень нравилось. Я и сама ощущала себя с ним изголодавшейся самкой. Больно сегодня было, почти как в первую нашу ночь. Тогда Руслан тоже подумать не мог, что лишал меня девственности, а я молчала. Сегодня было почти так же. Разве поверил бы он, что последний секс в моей жизни был семь лет назад? Конечно, нет. Он ведь меня продажной девкой считает. Понятно, постарались ему в голову вложить именно это. Все измазали, опошлили, разрушили, правда сейчас из моих уст будет бледно звучать, да и не нужна ему, эта правда. Ничего не исправить, не изменить. Вместе не быть нам после того, что было. Поэтому пусть берет то, что ему нужно. Две недели? Так мало, но когда-то они стали для нас целой жизнью. Для меня, так точно.

Я сбежала тогда из дома брата. В конец обнаглела. Даже ночевать домой не приходила. Бросилась в омут с головой, в моего Руса. Упивалась каждой минутой с ним. Знала, что расплата близка. Но хотела пожить пред смертью, глотнуть кислорода побольше, чтобы потом окончательно опуститься на дно пучины.

Невольно встала перед глазами его улыбка. Та, мальчи-

шеская. Сейчас изменился он. Прическа другая, дорогой костюм, хмурое выражение лица. Нет того короткого ежика, неизменных рваных джинсов, толстовки с капюшоном. И улыбки той нет. Открытой, заразной, беззаботной.

И все равно он мой. Мой мальчик. Самый родной, самый любимый. Мой лучик света. Выжил. Значит, не все для него потеряно. Не сломали его. Не уничтожили. И это счастье, знать, что он дышит со мной одним воздухом. Мне большего и не надо. О таком счастье я даже мечтать не могла. А я выдержу. Все выдержу. Ради него. Буду снова упиваться воспоминаниями наших счастливых четырнадцати дней. Вот и сейчас, чтобы собрать себя в кучу, я воскрешаю в памяти наши волшебные минуты...

Семь лет назад...

- Синеглазка, проснись...

- Не хочу. Я впала в спячку, - бурчу, а сама наслаждаюсь стайей мурашек, бегущих от его нежных поцелуев между лопаток, в плечо, шею. Утро только окрашивает окно, мы любили друг друга всю ночь, но моему требовательному мальчику все мало. Еще хочет. Упирается эрекцией мне в бедро.

- Отстань от меня, маньяк.

- Это не я. Это он, - толкается стояком, - ничего не могу с ним поделать.

- Я тоже. У меня нет сил даже пошевелиться.

- Я тебе помогу. Иди сюда, - переворачивает меня на спи-

ну, целует распухшие губы, перебирается влажными прикосновениями на грудь, ведет дорожку поцелуев вниз.

- Сволочь! - вскрикиваю я, когда его язык забирается между ног. Чувствую, как подрагивают его плечи от смеха, но напор он и не думает сбавлять. А я загораюсь снова. Никкак не могу остановить эту волну жара, хотя казалось после последнего раза, что большие даже двигаться не смогу.

Ошибалась. В руках моего бесподобного мужчины тело живет своей жизнью. Стону громко, потому что он задевает какие-то тайные кнопки, отчего мощная волна удовольствия носится по моему телу, лишая рассудка.

- Давай, Виталина, покричи! А лучше спой! Как вчера. Сможешь?

Да! Вчера я устроила для него сюрприз. У Руслана был день рождения. И мы с его друзьями двинулись в караоке-бар. Уже там мне в голову пришла шальная мысль. Я сбегала якобы в туалет, а сама договорилась с ди-джемеем, выбрала одну из моих любимых песен Нелли Фуртадо, и вышла на сцену, когда никто не ждал. Эту песню я пела раньше на занятиях по вокалу, но в тот вечер она получилась особенно проникновенной, потому что исполняла я ее для моего любимого мужчины. Его горящий, восхищенный взгляд поднял во мне такую волну, которая заставила вложить в каждый вздох, каждую ноту всю душу, как в последний раз.

Кто ж знал, что так и получится. Больше я не пела, и никогда не смогу. Ему тогда отдала все, и жизнь бы отдала, да

не хватило. Мало им было моей жизни, они и Русу судьбу сломали.

Очень хотелось узнать, как выбрался он? Как жил эти годы? Но не ответил, если бы даже спросила. Ну и пусть. Важно, что живой. Дышит! Пусть злобой, пусть обидой, но это лучше ледяного отчаяния от мысли, что нет его уже на свете.

Поднимаюсь все же с дивана. Ползу в душ. Чувствую себя разбитой, дезориентированной, но живой. Такой я себя не чувствовала семь лет...

Глава 7. Руслан

*Бабочка моя,
Ты запуталась в паутине.
Знаешь, всё, что мы творили
В этой маленькой квартире -
Это лучшее, что было со мной.
© Баста&Алсу «Мы с тобой»*

От Виталины я выскочил, как ошпаренный. Не мог больше смотреть в глаза ее лживые. Хорошая актриса, теперь я это понимаю.

Долго бесцельно по городу круги наматывал, пытался остудить голову, восстановить внутреннее равновесие. Но куда там. Не получалось ни хрена. Хотелось орать в голос. Как можно быть такой тварью, как можно так жить? Смотреть такими глазами, душу тянуть? И самое главное, почему я до сих пор веду? Ведь понимаю, что ничего в них человеческого нет и быть не может. Но что-то все же не складывается. Почему живет в этой халупе? Или с годами хватку профессиональную потеряла? Не понятно. Но это меня не должно заботить. Я свое возьму, напьюсь отравой сполна и, если не сдохну от передоза, свалю из этого города, как и обещал.

Пока варился в этих мыслях, сам не понял, как вывернул на знакомую улицу, затормозил у знакомого дома.

Здесь я раньше жил. Это была квартира бабушки. Бабуля когда-то переехала в деревню к маме, квартиру оставила мне. Хорошо, что она не дожила до тех событий. А вот матери досталось сполна. Помню ее слезы, глаза потерянные, сколько мы пережили, пока судебные разбирательства шли, и потом в колонию постоянно ко мне моталась. Квартиру эту она продала, пыталась адвоката найти, от тюрьмы меня спасти, не понимала, что все было бесполезно... Нет, сейчас все хорошо, я давно маму забрал. Сейчас она живет у моря. Это была ее давняя мечта. Хоть что-то ее непутевый сын смог реализовать.

Смотрю в знакомый квадрат окна, и в душе начинает щемить сильнее. Как же много случилось за те две недели. После нашей первой ночи Виталина практически поселилась у меня. Мы не могли оторваться друг от друга, ведь у нас была любовь! Так я думал тогда. Я легко впустил Синеглазку в свой дом и свою жизнь. Если вспоминаю ту квартирку, всегда именно то время. Ее вещи, запах духов, смех. Все это и сейчас в памяти встает так, как будто было только вчера...

Семь лет назад.

Запах кофе будит меня, шлепанье голых пяток по полу, и вот холодные ладошки прижимаются к спине.

- Ай, ты их специально в холодильнике держала?

- Да. Не знала, как еще тебя разбудить!

- Сексом. Лучшие всего разбудить меня сексом. Желательно, оральным.
- Ставки с утра высоки. Я решила начать с кофе.
- Начать можно и с кофе. А продолжить...
- Не получится! Мне на занятия. Сегодня я не могу пропустить. Я и так прогуляла за эти две недели больше пар, чем за два года до этого.
- Я не хочу тебя отпускать. Но ты права. Мне тоже сегодня нужно появиться в универе.
- Встречаемся вечером?
- Вечером.

И я считал часы до заката. Когда моя Синеглазка появится на пороге. А она в тот день не пришла. Телефон был в отключке. Помню, как переживал. Дурак. Она почти ничего не рассказывала о себе. Знал, где учится, что живет с братом, родителей нет, это, пожалуй, и все. Не лез в душу, ждал, что сама откроется, не дождался.

Позвонила она в тот день за полночь. Сказала, что дела были дома, не могла уйти. А еще сказала, что ждет меня на улице. Гулять хочет и меня зовет.

Выхожу из машины, закурываю сигарету, иду в сторону самой темной лавочки во дворе. Холодная осень моросит дождем, а меня уносит мыслями в ту летнюю ночь...

Вита ждет меня во дворе. Машет рукой, зовет в тень. Мы приземляемся на лавочке в кустах, Она опускается на мои колени.

- Куда ты меня притащила?

- На свидание позвала.

- Хорошее свидание. Нам вроде уже не по четырнадцать, чтобы в кустах зависать.

- А я хотела бы вернуться во время, когда мне было четырнадцать, - говорит грустно, - тогда еще мама была жива и проблем я никаких не знала.

- А сейчас проблемы? - подорванная она какая-то, как в первую нашу встречу. - Случилось что?

- Нормально все. Просто взгрустнулось. Дай сигарету.

- Щас прям! Терпеть не могу курящих баб.

- Правильно. Не люби их. Меня люби.

- Уже. Тебе мало?

- Нет. Мне много. Через край. Хорошо ты мне в любви признался. Я оценила.

- А ты мне? - прижимаю крепче к груди, в глаза смотрю.

- А я сейчас, - языком по скуле ведет, под футболку ладонями забирается, а потом резко руку под резинку спортивных штанов запускает. Сжимает член, а у меня перед глазами искрит.

- Ты что делаешь?

- Люблю тебя!

- Почему здесь?

- Хочу так. Расслабься. Ты ведь уже спал? Будить тебя буду. Орально.

- Сдурела?

- Да. Крыша слетела. Лови, - а сама уже выпустила на волю мою изнывающую плоть, сползла по мне на землю, стоит на коленях, гладит рукой член, реальность плывет, организм требует разрядки. Желательно так, как она уже раздражила воображение своими пошлыми намеками. Чувствую ее горячий язык, обжигающее дыхание.

- Чееерт! Бери глубже, раз уж взялась.

И она слушается. Сначала несмело, неумело, но мне так даже больше нравится. Она ведь моя, только для меня, моя девочка, моя Синеглазка.

Возвращаюсь в реальность, усмехаюсь горько. Моя. Смешно. Перед глазами встает лицо ее папика. Мерзкий лысый хрен. Противная усмешка. И фото в его телефоне, где моя Синеглазка голая на кровати, перед этим мудаком раскинулась в призывной позе, глаза прикрыла от удовольствия, и следом другое, где на ее нежном теле отчетливо видны его руки. Сука! Снова под ребрами болеть начинает нестерпимо, как будто по ним опять ботинками прошли. Знаю почему, потому что тогда меня окончательно добили не побои, не душная камера, а ее предательство. Оно сломило, поставило на колени, согнуло пополам. Потому что большее всего было поверить, что моя любимая девочка меня жестоко предала.

Долго еще сижу на этой лавочке, рана вскрыта. Ковыряю

далее. Снова лезут воспоминания на контрасте. Сначала руки ее нежные, глаза синие, а потом то, что обрушилось на меня лавиной и стерло с лица земли.

Детская карусель во дворе. Та, что в самолете мне снилась. Семь лет прошло, а она, похоже, даже выкрашена в те же цвета. Подхожу ближе, толкаю железный поручень, конструкция с жалобным скрипом поворачивается, а у меня в голове снова ее смех взрывается.

- Я кататься хочу!

...

- Крылья покоя не дают. Ты их чувствуешь? Крылья?

...

- Сильнее кружи! Хочу разбиться!

...

- Я когда разобьюсь, ты не жалеяй меня, хорошо?

...

- Ты - мои крылья!

Дышу тяжело, сердце в ошметки. Так живо перед глазами встали эти воспоминания. А следом другие. Те, которые снова все пачкают черным цветом.

Вспомнил слова мудака ее лысого:

- Полетала птичка с тобой, поиграла. Я иногда ей разрешаю. Она разнообразие в сексе любит. Найдет себе голубка, мозги ему вытрахает, крылышки оборвет, и ко мне прилетает. Жаркая, страстная. Любит она эту байку про крылья. Я

ей тоже полетать даю. С такими как ты.

Долго еще себя мучаю воспоминаниями этими. Давно не позволял себе опускаться так глубоко на дно. Знаю, как потом выплывать тяжело. Но сегодня остановиться уже не могу. Плотину памяти прорвало. Все вспомнил. В гостиницу приполз под утро. Измотал себя в конец, надеялся, что отрублюсь и отдохну немного от мыслей этих раздирающих. Но не тут-то было. Во сне Виталина меня преследовала снова. Пела мне. Ту самую песню, манила, звала. И я шел за ней. Летел. В бездну. Никакие крылья нас не спасли. Потому что их и не было никогда.

Глава 8. Виталина.

*Я падаю с неба сгоревшей кометой,
Я лбом прижимаюсь к стеклу до рассвета,
Твой смех на повторе в моем диктофоне,
И важное что-то ты просто не понял.
Зачем мне теперь красота?
Я без тебя сирота...*

©Диана Арбенина «Секунду назад»

Работа - моя отдушина. Единственное, что не давало сойти с ума все эти годы. Консерваторию я не закончила, здоровье не позволило. Но учителем по классу фортепиано мне помогли устроиться. Зарплата небольшая, но мне хватает. Спасибо, от мамы квартирка осталась. Иначе жила бы я на улице. А так, крыша над головой есть, а остальное мне не очень-то и нужно.

С детишками всегда получается отвлечься, особенно, когда ведешь индивидуальные занятия с талантливыми детками. Таких не много. Есть откровенно вредные, ленивые, разные. Но сегодня у меня вечерний урок с любимым учеником. Он играет прекрасно, хоть сегодня и подготовился хуже, чем всегда.

- Вася, не та октава! И стокатто четче играй. Ты не выпался сегодня? - Василий вздыхает, но тут же выпрямляет спину

и старается исправиться. Продолжаем урок, а я вдруг чувствую на себе взгляд. Поднимаю глаза и натываюсь на Руса. Что он здесь делает? Зачем пришел? Смотрит хмуро через большое панорамное окно из коридора. Внутри поднимается дрожь. Как всегда при виде его все волосы встают дыбом, организм начинает работать в другом режиме, на него настроенном. Севшим от волнения голосом даю Васе задание и выхожу в коридор.

- Привет.

- Привет.

- Что ты здесь делаешь? - стараюсь говорить уверенно, но внутри смятение. Не могу смотреть на него спокойно. Никак не привыкну к мысли, что он рядом.

- Посмотреть хотел, чем занимаешься. Что, великой певицей стать не получилось? Достойного спонсора не нашлось? - продолжает жалить. Я разрешаю.

- Не нашлось. Это все, что ты хотел узнать?

- Нет. Я за тобой пришел. Две недели. Помнишь? Ты обещала.

- Вообще-то, я сказала нет.

Не выдержу я с тобой двух недель. Это же пытка.

- Ну, твое «нет», не всегда означает отказ.

- Не всегда. Но в этот раз означает.

- А что так? Больше не нравлюсь? Или теперь игрушка не по зубам? - не по зубам. Это точно. Но как тебе объяснить?

Никак.

- Рус, я не хочу ругаться. У меня занятие. Мне нужно идти.

- Иди. Я подожду.

Возвращаюсь к ученику. Кое-как заканчиваю урок. Надеюсь, что Руслан ушел. Но зря. Понимаю это, как только покидаю класс. Рус сидит на диване в фойе.

- Ты закончила?

- Нет.

- Не надо врать. Я уже изучил расписание. И более того, с завтрашнего дня у тебя отпуск.

- Что ты мелешь! Какой отпуск?

- Такой. Я все решил. Даже бумажки уже все оформили. Тебе осталось только подпись на заявлении поставить. Хотя и без этого можно обойтись!

- Ты что...

- Две недели. Без вариантов!

- Рус, я...

Умру с тобой. А без тебя тем более...

- Все. Одевайся и поехали! Я задолбался тебя ждать!

- У меня занятия расписаны, мне не могли дать отпуск, - продолжаю спорить на автомате. Хотя прекрасно понимаю, что бесполезно.

- Директор вашей школы - Валентина Петровна, милейшая женщина. Мы с ней быстро нашли общий язык. Поэтому хватит тормозить. Поехали!

Я иду по коридору в сторону кабинета упомянутой толь-

ко что Валентины Васильевны. Вот старая карга! Наверняка
продалась за конвертик с зелеными бумажками.

Уже через десять минут понимаю, что так и есть. Выхожу
из ее кабинета злая, но немного взбодрившаяся. Рус нетер-
пеливо смотрит на меня, усмехаясь. Типа: "Я же говорил!"

- Хорошо! Отпуск ты мне устроил. Дальше что? Что ты
хочешь?

- Тебя!

- Прямо здесь? - ехидно улыбаюсь.

- Нет. Я не любитель таких забав. У тебя мы уже были. Ко
мне поехали!

- Куда?

- В гостиницу!

- В гостиницу, - повторяю на автомате. Чувства глушу по-
ка. - На сколько? На час, на ночь?

- А у тебя что, почасовая оплата?

- Я понимаю, что тебе безумно нравится все опошлять.
Может, мне нужна моя пижама!

- Вещи тебе не понадобятся. Голая будешь ходить.

- Иди ко ты, знаешь куда! – не выдерживаю я. - Вызови
себе профессиональную шалаву и ей указывай! - на глаза
наворачиваются слезы. Понимаю, почему ведет себя так, но
от этого не легче. Не хочу это слушать. Не надо нам вместе
быть. Склеить все равно ничего не выйдет, а жалить друг
друга слишком больно. - У меня другие планы на вечер. -
Разворачиваюсь и иду прочь из здания, по пути прихватив

пальто в гардеробе.

Выхожу на улицу и иду в сторону остановки. Как ни странно Руслан отстал. Может, понял, что ничего хорошего не выйдет?

Сажусь в свой автобус и еду домой. По пути захожу в магазин. Покупаю продукты на полном автомате.

Уже стоя на кассе, упираюсь взглядом в знакомую фигуру. Пришел. Не понял, значит. Руки резко дрожать начинают. Вита! Возьми себя в руки. Легко сказать. Сердце тут же к горлу подкатывает. Продавец называет сумму, а я не слышу. Торможу. Потом спешно достаю кошелек, расплачиваюсь. Беру пакет и быстро иду к другому выходу. Нет, скрыться от Руслана не пытаюсь, но почему-то чисто интуитивно хочется убежать, спрятаться от его пронзительного взгляда.

В ранних сумерках слышу, Руслан идет за мной. Я ускоряю шаг, он тоже. Преследует, загоняет в угол. Так мы идем до самого подъезда. Входим вместе. Молча поднимаемся. Хочу прогнать его и одновременно хочу прижаться покрепче. Запах втянуть, тепло почувствовать.

Молча впускаю его в квартиру, иду мыть руки, потом прохожу на кухню, начинаю готовить ужин. Странно это. Мы молчим. Говорить нам не о чем. Прошное слишком болезненно, настоящего нет, будущего тем более. В душе по-прежнему все колом, Руслан сидит за столом и так же молча следит за моими движениями. Я разделяваю купленное мясо, чищу картошку. Хочу просто занять руки и мысли механи-

ческими движениями. Начинаю жарить говядину, ставлю варить картошку. В какой-то момент мне вообще кажется, что Руслана здесь нет. Он призрак из прошлого, я его сама придумала, потому что в моей душе он всегда на своем месте. Не забыла его, не отпустила. Вспоминала слишком часто, представляла. И вот он появился. Только мой, только для меня.

- Раньше ты пела, когда готовила. Спой, - вдруг просит он. Я усмехаюсь горько.

- Я больше не пою.

- Почему?

- Так вышло.

- Курила много? - опять пытается задеть. Магия разрушается, а я подхватываю. Отвечаю так же резко:

- Сосала слишком глубоко! Ты же это хочешь услышать?

- А это правда?

- Какая разница. Тебе она нужна, правда?

- Нужна. Знать хочу, как ты жила все эти годы?

- Зачем? Ты образ сложил в голове. Ломать не стоит.

- Сложил. Но как-то хреново получается. Ездишь на автобусе, живешь в халупе на окраине. Или это какой-то квест?

- Ага. Квест, - усмехаюсь горько. - Квест под названием жизнь.

- Лысый любовник пропал с горизонта, и все? Замуж за него выскочить не успела? Братец по миру пошел. И что?

- Жду кого побогаче.

- А-а-а. Алик не вывозит?

- Нет. Что мне пара ресторанов. Фигня. Мне заводы, пароходы нужны.

- Понятно. Ну, пока ты олигарха ждешь, со мной перебьешься. Баблом не обижу.

Игнорирую его очередное едкое замечание про деньги. Другое спрашиваю.

- Руслан, скажи, чего ты хочешь?

- Тебя! Увидел, вспомнил, захотел.

- А до этого не вспоминал? - спрашиваю горько. Горло начинает першить. Лишь бы голос не потерять. Нервничать мне нельзя.

- А ты как думаешь? Такое можно забыть? - смотрит, как будто расстреливает взглядом. - Кто-то игрался, а кто-то кровью блевал.

Знаю. Не ты один. Сердце начинает барабанить сильнее. В голове шумит, потому что прошлое накрывает.

- Вот поэтому и говорю, зачем тебе я? Отомстить хочешь? - голос все же садиться. Начинаю сипеть.

- Хочу. Но знаешь, мстить женщине как-то низко. Фиго-во звучит. Не собирался тебя искать, но раз уж судьба свела, память всколыхнула, хочу повторения. Хотя нет. Другого хочу. Наиграться, натрахаться. Как ты когда-то. У меня ведь тоже теперь другая есть. А мне разнообразия хочется. Так что давай. Хватит кастрюлями греметь. Тебе не идет.

- А тебе не идет циничность эта. Другим ты мне нравился больше!

- Жизнь закаляет. А меня в тюрьме ох как закалили! Лучше тебе не знать!

- Как ты выбрался? Я ... - голос все же срывается. - Мне сказали, что ты умер там, - говорю шепотом, получается совсем сипло.

- Так и есть. Руслан Стародворцев умер.

- Я рада, что это не так.

- Это так. Сейчас перед тобой совершенно другой человек.

- Я вижу.

- Так что давай без прелюдий. Ты даешь, я беру.

- Бери.

Тело, душу, жизнь. Бери. Они и так твои.

Но он не двигается. Я тоже. Так и стою у стола, как провинившаяся школьница. Рассматриваю пол. Крошки насыпались. Надо убрать. Пытаюсь сосредоточиться именно на этом. Чтобы окончательно не накрыло.

- Мясо горит, - доносится до меня. Я вздрагиваю, бросаюсь к печке. Мешаю подгоревшую говядину. Потом чувствую руки на талии. Руслан выключает газ и впечатывает меня в столешницу своим телом.

Снова грубо сминает, сжимает, оставляя синяки. А я терплю, фигня это. Я такое выдержала, что это мелочи. Правда, от Руслана грубость в сто крат больше воспринимается. Потому что не тело болит - душа. Намеренно делает все так, чтобы показать. Я для него всего лишь шлюха теперь.

Задирает юбку, стягивает колготки по ногам вместе с трусами и врывается в мое тело без подготовки каменной плотью. Я не настроена, не готова, не хочу так. Опускаю голову на руки, утираю подступившие слезы, сжимаюсь внутренне, стиснув зубы. Кончает он быстро. Молча одевается и, не прощаясь, покидает квартиру.

А я сползаю на пол и начинаю рыдать. Так больно становится, так страшно. Не выдержу я, не выживу. Зачем он пришел? Душу разворотил. Все наизнанку вывернул. И мне сейчас больно. Почти так, как когда-то давно...

Глава 9. Виталина

Так рушится наш мир, и ты видишь, как гаснут звезды;

И нас не спасет даже тот, кто этот мир создал.

Кончается воздух, выключается свет -

И нас нет (нас нет, нас нет).

© Баста&Алсу «Мы с тобой»

Я с самого начала знала, что все плохо закончится. Не могу сказать, на что надеялась, на что рассчитывала. Наверное, на чудо. Но чудеса случаются только в сказках. В реальной жизни - нет. Хотя в тот момент Руслан стал для меня именно таким чудом. Я за него ухватилась и потопила вместе с собой.

Игорь тогда вернулся неожиданно. Его не должно было быть в городе еще неделю, а я слишком расслабилась, летала на крыльях. Предыдущие две недели были волшебные, и я пустила в свою душу надежду, что все может быть хорошо. Мы с Русланом собирались уехать. Для него это была обычная поездка на море, а я надеялась, что не вернусь. Хотела уговорить его остаться жить в другом городе. Не знала точно, как объяснить все. Правду рассказать нельзя, врать тоже не хотелось. В итоге я снова решила плыть по течению. Домой

пришла собрать вещи. Уже выходила из ворот, когда въехала машина брата. Он как увидел меня с чемоданом, сразу озверел. Понял, что сбегая. Церемониться Игорь не привык. Пара пощечин, за волосы меня и под замок. Слезы, уговоры. Все бесполезно. Это я знала наверняка.

Долго редела в подушку, задыхалась от отчаяния и безысходности, понимая, что сказка закончилась. Пришло время платить по счетам.

Снизу раздавалась громкая музыка, смех. Игорь устроил вечеринку. Маты, девки, алкоголь. Это хорошо. Значит, до утра он обо мне не вспомнит. Урод проклятый. Главное, чтобы своему лысому покровителю не позвонил. Это мой самый страшный кошмар.

Я не сразу раскусила брата. После смерти отчима он умело прикидывался хорошим, рьяно защищал меня, отгонял всех парней. Не так давно стало понятно, почему любимый братишка так оберегал мою невинность - чтобы продать подороже. Достойный клиент нашелся, и как только я вспоминаю этого жуткого лысого уroda со змеиными глазками, меня сковывает от отвращения и ужаса. Но мне дали четко понять, что выбора нет.

- Ты должна мне и моему отцу за все годы, что кормили тебя и поили! Хотя могли бы давно выкинуть на помойку! — заявил тогда Игорь.

Я его послала, конечно. Тогда я еще надеялась, что это злая шутка, что не решится он на такое. Сейчас же понимаю,

что он спланировал это давно. Поэтому и не отпускал.

Когда мамы не стало, мне было всего шестнадцать. В этом доме я всегда чувствовала себя чужой, с Игорем мы не ладили, но поскольку учился он в Англии, виделись не часто. После смерти мамы отчим оформил опекунство. Спасибо, хоть в детский дом не отдал. Мы с ним никогда не были близки. Правда, воспитанием моим он не занимался, почти все время проводил в разъездах. А полгода назад его не стало. Ни на какое наследство я не рассчитывала, собиралась покинуть этот дом и выживать дальше самостоятельно. Но Игорь удивил. Он вернулся из Англии, меня не отпустил, более того, принялся уговаривать остаться, плел, что я единственный для него родной человек и так далее. Я поверила. Потом пожалела об этом много раз.

Первое время Игорь проявлял чрезмерную заботу, интересовался моим здоровьем, парнями. Сейчас я понимаю, для чего ему это было нужно. Убедившись, что я все еще невинна, он стал более внимательным.

Окончательно пазл сложился в тот вечер, когда Игорь познакомил меня с Матвеем Степановичем Муром.

Это тот случай, когда фамилия подходит человеку больше, чем имя. Игорь специально подстроил все так, что мы остались с этим упырем одни в комнате. Этот престарелый урод сначала просто смотрел на меня так, как будто я кусок колбасы. Он как удав гипнотизировал взглядом. Я хотела бороться, бежать, но вдруг поняла, что пошевелиться не в си-

лах. И это не просто страх, это что-то другое. Медленно начало доходить, что мне подсыпали какую-то дрянь. Именно поэтому не слушается тело. То, что происходило дальше, я помню смутно. Но совершенно понятно, что братец решил меня продать настоящему маньяку, которому нравилась моя неподвижность. Он от этого кайфовал. Мурый уже тогда мог сделать все, что угодно, но его цель была в другом. Ему нравилось смотреть, трогать, фотографировать. Я себя ощущала настоящей безвольной куклой. Он видимо таковой меня и считал. Медленно раздевал, гладил, вылизывал. Постоянно приговаривал, что я идеальная, нетронутая, только его игрушка.

Это страшные воспоминания. Болезненные. Иногда они и сейчас преследуют меня во сне. После такого "знакомства" я отходила долго. Рыдала несколько дней. Игорь только смеялся, душой называл.

- У каждого свои слабости. Зато денег у него вагон. А щедрость для таких как ты зашкаливает.

Я пыталась сбежать после этого. Собрала вещи и уехала в мамину квартиру. Глупая. Думала, от меня отстанут. Где там! Игорь вернул меня обратно и желание бегать отбил. В прямом смысле. А еще показал запись того вечера. Пригрозил в Интернет ее выставить и на сервер консерватории, если сбегу снова.

Я была в отчаянии. В таком состоянии в один из вечеров пошла бродить бесцельно по городу. Тогда и встретила Рус-

лана. Он стал моим светом, моей надеждой. Я же его и погубила.

Лысый урод после того дня больше не появлялся, но иногда присылал мне сообщения. Я знала, что он в отъезде в другой стране. С ужасом думала, что скоро вернется. Послания его еще раз доказывали, что с головой у Мурого не в порядке. Он постоянно писал, что я теперь его собственность, его игрушка. Должна вести себя хорошо, иначе буду наказана. Я понимала, что это страшный человек, но тогда даже представить не могла насколько.

Но еще я четко уяснила, что у него какой-то больной бзик, связанный с моей невинностью. Я наивно полагала, что расставшись с ней, этот упырь от меня отстанет.

Вечеринка гремела до утра, моих метаний и рыданий никто не слышал. Сбежать не удалось, крепкая дверь и решетки на окнах сделать этого мне не позволили.

Мой личный кошмар пришел следующим вечером. Я к тому моменту была уже настолько истрепана эмоционально, что мне было все равно. Но Игорь подстраховался, чтобы не дергалась, пристегнул наручниками, затолкал в машину и отвез за город. На дачу к Мурому.

- Веди себя хорошо! Поняла? Тогда не скажу ему ничего, что ты шлялась где-то две недели. Очень надеюсь, что ты глупостей не наделала и самое ценное сберегла. Иначе я тебе не завидую.

А дальше лучше не вспоминать. На этот раз был укол.

Снова онемение и полная невозможность двигаться. Комната с большой кроватью и кругом красные розы. Ненавижу их. Все было почти как в прошлый раз, пока лысый маньяк не понял, что я больше не невинна. Тогда начался ад. Он вдруг побагровел, и начал истошно орать. А потом подключил кулаки. Ответить я не могла, видимо, теперь его это перестало устраивать. Он ушел. Вернулся, когда действие гадости, которую он вколол, закончилась, а я начала ощущать все прелести его тяжелой руки. Вот тогда он решил перейти к наказанию. Ему нравилось причинять боль. Физическую, моральную. Насиловать он меня не стал, ведь теперь я для него была грязной, использованной шлюхой, но делал другие не менее омерзительные вещи. Все пытался выяснить, кто посмел испортить его игрушку, но я молчала.

Мысли мои были только о Руслане. Я хотела к нему, но очень боялась, что найдет. И он нашел. Домой ко мне зашел, а Игорь, конечно же, натравил на него Мурого. Так мой палач получил в руки главный козырь, которым сломал меня окончательно.

Он улыбался. Упивался моим страхом за Руслана. И я сглупила. Потому что показала, как он мне дорог. Мурый заставил тогда на коленях умолять, чтобы Руслана не тронули. И я умоляла. Помню, как целовала его ботинки, обливалась слезами и уговаривала оставить Руса в покое. Мурый пообещал. Взамен потребовал сказать что-то очень личное, чтобы только мы знали. Передать послание, чтобы ебать мой

понял, что точно от меня. И тогда я рассказала про крылья. Мурый смеялся. А мне было уже все равно.

Он ушел. Сутки почти его не было. А когда вернулся, рожа его светилась больной радостью. Тогда он нанес последний удар. Рассказал, что сделали с Русом. В кровавых деталях, не упуская ничего. И его дальнейшие перспективы тоже обрисовал. Так я узнала, что Руслан теперь в тюрьме. Ему грозит долгий срок за убийство. Пьяная драка, улики. Все схвачено. Тогда я поняла, что это конец. Меня сорвало. Я схватила нож со стола и бросилась на больного ублюдка. Мне удалось его ранить, но это только разозлило урода. Он озверел. Бил кулаками, ногами, ремнем. В какой-то момент схватился снова за нож, приставил к горлу. А мне хотелось сдохнуть побыстрее. Я сама тогда на острие дернулась. Лезвие легко вошло в шею, но не до конца. Мурый отдернул руку. Хлынула кровь, и я начала терять сознание.

Очнулась я в больнице. Чужие люди вокруг, белые стены. Куча трубок, лекарств, капельниц. Спросить ничего не могла, говорить не получалось. Потом пришел седовласый доктор, который рассказал, что я здесь уже три месяца. Лежала в коме. Думали, не выживу. Еще рассказал, что нашли меня на обочине дороги. И жизнью я обязана этому самому седому профессору, который вытянул меня с того света.

В больнице я провела еще несколько месяцев. Профессору тому я безмерно благодарна. Послала мне судьба хоть одного доброго человека, который стал для меня ангелом-хра-

нителем. Оказывается, он потерял когда-то дочь. Ее тоже какие-то ублюдки выбросили на обочине, но спасти девушку не удалось. Видимо поэтому Яков Михайлович не оставил меня в беде. На ноги поставил, помог документы восстановить и квартиру вернуть. Братик ведь меня уже похоронил.

Первое время после выхода из больницы я безумно боялась даже просто выходить на улицу, но старый профессор помог и с этим. Он встретился сам с Игорем. Не знаю точно, чем он ему пригрозил, но братец от меня отстал. Больше я его с тех пор не видела. Мурый уехал за границу и забыл о моем существовании. Наверное, пошел искать себе новую куклу. Вот так постепенно я стала привыкать к новой жизни.

Лечилась я долго. Около полугода не разговаривала. Повреждение связок было очень серьезным. Но профессор не отступал. Его методика сработала. Я заговорила. Сначала только шепотом, потом голос постепенно стал возвращаться. О пении больше не могло быть и речи. Громко мне вообще нельзя говорить. Нервничать тоже. Возможен рецидив.

Последний раз он случился около шести лет назад, когда мне сообщили, что Руслан умер в тюремном госпитале. Тогда у меня снова пропал голос, и перекрыло дыхание. Пошел отек гортани и меня еле спасли. Сейчас, похоже, я близка к тому состоянию.

Руслан ушел, хлопнув дверью, а я сползла на пол и лежу, тяжело дыша. Плакать нельзя, но я не могу сдержать слезы. Наружу рвутся рыдания, я глушу их, как могу. Надо бы най-

ти телефон, но я не хочу шевелиться. Я снова хочу умереть. Не могу больше выдерживать его ненавидящий взгляд. Если уйду, может ему легче станет? И мне. Сколько можно мучаться? Покоя хочу. Но не суждено мне. В глазах темнеет, дышу с хрипами. Скоро совсем не смогу. И не хочу.

Телефон разрывается трелью, я ползком добираюсь до сумки. Конечно это Яков Михайлович, я обещала сегодня позвонить. Это единственный человек, который беспокоится обо мне, чувствует, что нужна его помощь. Отвечаю я с трудом, говорить много ему не нужно. Профессор сразу понимает, что все плохо.

Через минут двадцать он уже входит в квартиру. За это время я кое-как успеваю привести себя в порядок, умыться, выпить лекарства. Поэтому когда на пороге появляется Яков Михайлович, мне уже немного лучше. Но обмануть его не стоит и пытаться.

- Собирайся.

Я только хочу открыть рот, чтобы возразить.

- Молчи! Ты знаешь прекрасно, что в такие моменты лучше вообще не раздражать связки. Тебе напомнить, что может быть?

Я отрицательно качаю головой. О том, что полчаса назад у меня снова перехватывало дыхание, молчу. Это самый тревожный симптом. Профессор проводит осмотр, но вердикт его остается неизменным.

- Ночь проведешь в больнице, завтра сдашь все анализы,

пройдешь обследование, тогда посмотрим. И не спорь.

Я и не пытаюсь. Знаю, что бесполезно, и знаю, насколько все серьезно. Поэтому послушно собираюсь и отправляюсь следом за профессором в ненавистную больницу.

Глава 10. Руслан

*В груди гуляют сквозняки,
Но только осень ни при чем.
И не друзья, и не враги.
И не простил, и не прощен.*

©Диана Арбенина «Неторопливая любовь»

Выскакиваю в темноту, голова снова в огне. Взял ее, а стало еще хренее. Что-то скребет внутри, что-то не складывается. Ведет себя странно, живет странно. Снова этот шарф дурацкий на шее, раньше никогда такой моды за Витой не замечал. Не поет. Почему? С такими потрясающими вокальными данными ее ждало большое будущее. Помню, как пела, какие вибрации и ноты выдавала, мурашки по коже табунами носились. А сейчас и голос другой, сегодня заметил только, хриплый, как будто и правда курит не переставая, в конце разговора вообще срываться начал.

Как же быть? Как уйти? Как ее оставить в покое? Пусть живет, как хочет, и я буду дальше шагать. Это говорит здравый смысл, а вот сердце назад рвется. Еще хочу. Но это погибель моя. Рядом с ней душу дробит еще сильнее. Задушить ее хочу и зацеловать. И что победит в следующий момент, я не знаю. Смотрел на Виту сегодня, и все горело. Я ведь мечтал, чтобы она всегда рядом была, вот так возилась на кухне. И о детях наших мечтал. Проскакивали мысли тогда,

сейчас как раскаленные иголки колют. В итоге я снова сорвался. Взял ее грубо и сбежал.

Теперь, когда голова остыла немного, в себя пришел. Хотел еще парочку вопросов задать. Почему не появилась больше тогда? Этот факт убивал меня сильнее всего. Я ведь ждал ее. Сдыхал в душной клетке, но ждал. Никак поверить не мог, что все правда. Особенно на заседаниях суда могла ведь появиться? Могла слово доброе за меня сказать. Да хотя бы просто в глаза посмотреть. Мне это было жизненно необходимо. Я бы там ответ сам прочитал, сам все понял. Я до последнего с тоской на дверь зала суда смотрел, все мне казалось, что сейчас зайдет моя Синеглазка, хотя бы чтобы попрощаться. Но она не пришла. Ни разу не появилась. А потом меня отправили в колонию. Срок дали по-максимуму. Думал, оттуда я уже не выйду. Спасибо, судьба свела с Максом. Он сокамерником моим оказался, его в тюрьму своя дорога привела. А я теперь точно знаю, что за решеткой не только отъявленные упыри сидят. Разные судьбы здесь, разные люди. Хоть раз мне повезло. Макс помог там, за решеткой, и потом не бросил. Он вышел уже через полгода, а потом и меня вытащил. Помог сделать все так, что Стародворцева Руслана Владимировича похоронили от тяжелой болезни, и новый человек на свет появился. С новой биографией. Вытащил он меня не за просто так, конечно. Я поделился с ним своими талантами, он оценил. Я ведь до тюрьмы не собирался всю жизнь барменом работать. Это так, ненапряж-

ная подработка была. Болел я всегда компьютерами и всем, что с ними связано. Витка когда в квартирку мою попала, обомлела, заглянув во вторую комнату. Там техники было до хрена. Три мощнейших машины, несколько мониторов. Я частенько погружался в сетевые дебри, программные коды и прочее. В универе этому не учили, но сессии по профильным предметам я сдавал легко. Основные знания мы получали с такими же больными на голову пацанами. Могли любые данные найти, взломать, написать, запустить вирус.

Короче, таланты мои новый друг оценил, и когда на свободу помог мне выбраться, направил в нужное русло. Сейчас у нас вполне легальный бизнес. А вот на чем мы заработали стартовый капитал, лучше не знать никому.

Побродив по округе, возвращаюсь к месту, где оставил машину. Недалеко от подъезда Виткиного замираю.

На парковке стоит черный внедорожник, которого раньше здесь не было. Из подъезда выходит седой мужик в черном пальто, а следом... Вита. Точно она! Я замираю на месте. Ярость черная топит разум. А вот и папик ее, собственной персоной. Обнимает ее за плечи, а мне завывать хочется. Как-их-то полчаса назад строила из себя святошу, а теперь садится в машину к этому старперу. Он говорит ей что-то на ухо, она кивает с легкой улыбкой. Сука! Тварь! Надо было все же удавить гадину. Провожая взглядом машину и чувствую, как внутри раскручивается новый виток торнадо.

Черная ревность берет за горло. В бешеном угаре я дохожу до своей машины и со всей силы впечатываю кулак в дверь. На гладком металле остается вмятина, но боль немного отрезвляет. Сажусь за руль и еду в первый попавшийся бар. Мне нужно срочно нажраться в хлам, чтобы хоть немного утихомирить войну внутри.

Глава 11. Руслан

Но только с каждым днем финал

Все ближе – что ты скажешь мне?

Когда мой черный силуэт

В твоём появится окне.

©Диана Арбенина «Неторопливая любовь»

Полночи я заливал дикую злость. Успокоиться никак не получалось. Как только представлял Виту под этим седовласым мудаком, внутри наизнанку все выворачивало. Старые раны покрывались новыми рубцами и начинали нестерпимо кровоточить.

Проснулся я непонятно где. Башня трещала дико, но больше всего убивал какой-то ужасно приторный запах. И в носу что-то щекотало. Протянул руку, убрал с лица вонючий клочок волос. С трудом открыл глаза, понял, что автопилот не сработал. До своего гостиничного номера я не добрался и сплю теперь в постели неизвестной мне обладательницы длинных светлых волос, часть которых как раз таки покоилась на моем лице. Немного проморгался, осмотрелся, комната незнакомая, баба рядом тоже. Хотя какие-то обрывочные воспоминания есть. Помню, что когда я уже основательно набрался, за столик ко мне подседа какая-то. А мне отчаянно хотелось забыть другую особу, и то, что она, скорее

всего, кувыркается в кровати с другим мужиком.

Попробовал встать, головная боль отправила меня тут же в нокаут. Пить хотелось так, как будто я неделю полз по пустыне. Под боком зашевелилась моя ночная знакомая. Подняла взлохмаченную голову. Боже! Вот на эту силиконовую долину можно было позариться только сильно по пьяни.

- Привет, красавчик! - пропела она.

- Привет! Минералочки не сообразишь?

- Если только за поцелуй! - я скривился.

- Ты знаешь, у меня сейчас такая помойка во рту, уверена, что ты этого хочешь?

- Мда. Ты прав. Мы оба вчера перебрали. Держи! - и она протягивает мне вожденную бутылку жидкости.

Утолив немного жажду, спрашиваю:

- Как я сюда попал?

- Что, совсем память подводит? Ты вчера выжрал полбара.

Но окончательно вырубился в такси. Если бы знала, что ты меня обломаешь с сексом, не позвала бы тебя к себе.

- Ну, извини, что разочаровал.

- Ты можешь исправиться прямо сейчас, - призывно улыбается растрепанная особа.

- Едва ли. Мне идти пора, - выдаю, не раздумывая. У меня на такое сейчас точно не встанет.

- Понятно. Совсем мимо кассы? – кисло спрашивает блондинка.

- Надеюсь, ты переживешь?

- Обязательно. Но если станет скучно, можем встретиться. В кармане твоего пиджака остался мой номер телефона. Так что звони, не стесняйся.
- Обязательно. Такси мне вызови.

Вернувшись в гостиницу, долго отмывался от этой ночи. Еще бы мысли с мылом промыть, чтобы вычистить грязь от воспоминаний о Вите и ее хахале. После пьянки легче не стало, наоборот. Интересно, они уже вылезли из кровати, или ее престарелый мудак уже не вытягивает такие марафоны?

Чертовы мысли! Я помню ее утром, разомлевшую, нежную, сексуальную... Память снова подкидывает картинки, от которых хочется лезть на стену.

Блять! Как не думать? Не вспоминать? Куда сбежать от проклятых мыслей?

Ответа нет, но ясно одно, оставаясь здесь, в этом городе, болезнь моя под названием «Виталина», прогрессирует со страшной силой. Оставаясь вдали, удавалось сохранять длительный период ремиссии, сейчас же каждый день сводит с ума. А значит нужно бежать отсюда и подальше. Нет. Никаких двух недель. Пошло все к черту!

Достаю ноутбук и мониторю ближайший рейс до моего города. На сегодня билетов уже нет. Только на завтра. Хорошо. Еще сутки я как-нибудь продержусь. Как раз дела закончу.

Звоню Сереге, сообщаю, что мне нужно срочно улетать. Он прямо таки в панике, умоляет о встрече сегодня с партне-

рами для обсуждения последних деталей и подписания договора. На встречу я соглашаюсь, не собираюсь пока разочаровывать его, что подписывать ничего не собираюсь без тщательной проверки этих самых партнеров своими юристами и службой безопасности.

Ближе к вечеру Серега сбрасывает адрес, где назначена встреча. И только когда подъезжаю на место, понимаю, что сглупил и не догадался, что это будет тот же ресторан, что и в первый раз. Хорошо. Задерживаться я не намерен, решу быстро дела и свалю. Очень надеюсь, что не встречу здесь того, кого очень не хочу.

В целом все проходит без сюрпризов, что несказанно радует. Решаю вопросы максимально быстро, не соглашаюсь даже остаться на ужин, хочу побыстрее убраться из места, которое напоминает о моей болевой точке.

Иду в сторону гардероба, где оставил пальто, в двери входит молодая девушка, она кажется мне знакомой, но узнаю я ее не сразу. Она проходит мимо меня. Пока я жду выдачи пальто, сзади слышу знакомый голос:

- Марика, постой, - догоняет ее хозяин заведения, Алик, кажется. Вспоминаю его руку на бедре Виталины в первый вечер, и снова ярость поднимается. Хочу уйти быстрее, но тетка как назло долго возится с моим номерком. А парочка отходит за угол, в пустом фойе их прекрасно слышно.

- Ты давно видела Виталину? - спрашивает Алик. Очень интересно. Чувак видимо не в курсе, что сегодня не его сме-

на? Нынче по графику у Виталины более перспективный денежный мешок.

- Видела, - отвечает эта самая Марика.

- Она не отвечает на звонки и дома ее нет.

- Алик, оставь ее в покое, она же сказала, что не хочет быть с тобой.

- Ты же знаешь, я настойчивый. А ты, между прочим, обещала мне помочь.

- Я помогла, чем смогла. Честно пыталась ее уговорить обратить на тебя внимание. Но ей нравится быть одной. Она никого не хочет пускать в свою жизнь.

- Я не верю! Не верю, что у такой женщины никого нет! - усмехаюсь про себя. Золотые слова. Я тоже не верю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.